

Николай Добролюбов

Природа и люди. Выпуск II

Николай Александрович Добролюбов

Природа и люди. Выпуск II

«Несколько месяцев тому назад мы говорили о первом выпуске уроков географии, читанных господами Аркадием Павловским и В. Л. Теперь является второй выпуск предпринятого ими издания, отличающийся тем же характером и теми же достоинствами, как и первый. В этом выпуске речь идет об Африке. В одном уроке изложено несколько самых общих исторических сведений об Африке и показаны причины ее малой известности в географическом отношении. В другом уроке представлена картина степей африканских и сделаны довольно подробные объяснения относительно двух характеристических принадлежностей африканской пустыни – пальмы и верблюда. В третьем уроке находится весьма подробный гидрографический очерк Африки – Северной, Центральной и Южной. Все эти уроки изложены весьма живо и в то же время дельно, что, как известно, никогда не соединялось до сих пор в наших географических книжках...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Природа и люди. Выпуск II**

Уроки географии, читанные в Николаевском сиротском институте. Выпуск II. СПб., 1858. Стр. 153–415

Несколько месяцев тому назад мы говорили о первом выпуске уроков географии, читанных господами Аркадием Павловским и В. Л.[1] Теперь является второй выпуск предпринятого ими издания, отличающийся тем же характером и теми же достоинствами, как и первый. В этом выпуске речь идет об Африке. В одном уроке изложено несколько самых общих исторических сведений об Африке и показаны причины ее малой известности в географическом отношении. В другом уроке представлена картина степей африканских и сделаны довольно подробные объяснения относительно двух характеристических принадлежностей африканской пустыни – пальмы и верблюда. В третьем уроке находится весьма подробный гидрографический очерк Африки – Северной, Центральной и Южной. Все эти уроки изложены весьма живо и в то же время дельно, что, как известно, никогда не соединялось до сих пор в наших географических книжках. Нам показалось только, что один из авторов часто впадает уже в риторическое красноречие, стараясь придать более живости своим изображениям. Мы сомнева-

емся, например, чтоб природа африканской степи отразилась очень ярко хоть в следующем изображении, какое делает г. В. Л.[2]:

На небе зажглись звезды, воздух чист и прозрачен, повсюду глубокая тишина; кой-где только мелькает огонек, а около него семья арабов готовит свой скудный ужин, да изредка слышится фырканье верблюда между тем на небе показалась луна и осветила эту чудную картину. Тогда пустыня делается в полном смысле величественною, и трудно представить человека, который бы не был поражен этою картиною, который бы не пожелал наслаждаться ею целую жизнь. Напрасное желание! Мрак ночи рассеивается, наступает утро, и на безоблачном горизонте показывается солнце в виде красноватого пятна... и пр. (стр. 203).

В риторическом отношении описание это безукоризненно. Но тем не меньше – это лирическое пустословие, которого не следует допускать в серьезной книге.

Другого рода неловкость заметили мы в уроках г. Аркадия Павловского: он довольно

легкомысленно обращается с историей. Рассказывая о действиях в Африке муллы Фоди, он выражается следующим образом: «Воззвания Фоди пронесли по земле Феллата с быстротою молнии, – и, как бы по волшебству какому, мирные до того времени пастухи вдруг стали отважными воинами» (стр. 279). Такие волшебные превращения в истории могут еще быть уместны в исторических романах Александра Дюма и компании, но они весьма жалки в серьезной книге, и тем более в книге, недурно составленной. Конечно, это не вредит достоинству чисто географических сведений: автор может вовсе не понимать истории и все-таки сделать очень обстоятельный гидрографический очерк. Но в таком случае не следовало бы уж и пускаться в историю, чтобы не внушить ученикам нелепой мысли, будто исторические перевороты могут совершаться «вдруг, как бы по волшебству какому».

Впрочем, говоря вообще, уроки гг. А. Павловского и В. Л. все-таки лучшее, что мы имеем на русском языке относительно географии. Чтение их может быть весьма полезно для

учеников старших классов гимназий и даже для многих взрослых людей, учившихся географии по Арсеньеву и Ободовскому.[3] Мы не сомневаемся, что даже многие из преподавателей найдут себе немало нового в книжках гг. А. Павловского и В. Л. Словом – книжки эти имеют значение популярного курса географии, довольно искусно составленного по новой методе и по хорошим источникам. Но, признавая за ними это достоинство, мы сильно сомневаемся, чтобы «Уроки географии» в том виде, как они напечатаны, могли в самом деле служить учебным руководством на первых степенях обучения. Сомнение это прежде нас выразил г. А. И. Кронеберг в «Атенее», при первом выпуске уроков гг. Павловского и В. Л. Теперь авторы (или – собственно – один автор, г. Павловский) напечатали при втором выпуске «Ответ на рецензию г. Кронеберга» и в ответе этом оспаривают положения рецензента.[4] Мы бы не обратили внимания на эту полемику; но издатели «Уроков» сами говорят, что в ответе их есть замечания, которые могут пригодиться и гг. преподавателям и рецензентам. Постараемся же отыскать эти за-

мечания. Прежде всего г. Павловский (подписавший «Ответ») говорит, что уроки и не назначались для элементарного курса, а читаны ученицам, уже два года проходившим элементарный курс географии в приготовительном классе. Этим объяснением, по нашему мнению, весьма мало изменяется положение вопроса, поставленного г. Кронебергом. Нельзя не согласиться, что изложение книги «Природа и люди», при всей живости и увлекательности, во многих случаях превышает понятия не только начинающих изучать географию, но и тех, которые уже прошли общее обозрение стран света и познакомились с географической терминологией. Г-н Павловский сам соглашается с этим, но не считает этого недостатком, приводя в свое оправдание причину, которая нам показалась несколько забавною. Он хочет уверить читателя, что хотя в уроках его многое действительно неполно, кратко и изложено в виде намеков, но это ничего не значит, потому что в конце каждого урока перечислены источники, в которых можно найти изложение полное и вполне удовлетворительное. По нашему крайнему

разумению, подобный способ составлять хорошие руководства был бы уж слишком легок. Стоило бы только перечислить главные источники и лучшие руководства по какой угодно науке, и дело с концом: вся ответственность за собственное изложение снималась бы с автора! Но здравая критика не может уволить автора от этой ответственности: ей нет дела до того, какие книжки читал он; она смотрит только на то, что он написал. Следовательно, никак не может она изменить свое мнение о книге, когда автор в оправдание свое говорит, подобно г. Павловскому: «Ведь мы поместили в конце каждой статьи главные источники для преподавателей, а также, разумеется, и для рецензентов, а в предисловии сказали, что многие места в наших лекциях неполны или же очень кратко изложены и что источники дадут преподавателям возможность их пополнять» (стр. 394). В этих словах заключается приговор, может быть лестный для учености авторов, изучавших источники, но вовсе не лестный для самой их книги. Но еще более резкое осуждение своей книги как руководства для упо-

требления учащихся географии находится в следующих словах г. Павловского. «Разве можно, – говорит он, защищая свой взгляд, сливающий «Уроки» с источниками, по которым они составлены, – разве можно предположить, чтобы мы ограничились в курсе географии простой заметкой, что причиной умеренности климата Океании служат следующие три обстоятельства: 1) огромная масса воды и небольшое протяжение островов; 2) пассаты, бризы и течения и 3) всегдашнее равноденствие. Да ведь здесь каждое слово вызывает вопрос: почему, а ответ на это заключается опять-таки в источниках. Даже слово «бризы», нарочно напечатанное курсивом на стр. 47, намекает очень ясно на эту необходимость объяснений. Что за бризы, отчего они происходят и почему смягчают зной климата Океании – все это надо объяснить, и объяснить точно, просто и занимательно» (стр. 394). Именно – надо объяснить; но объяснения, не только точного, простого и занимательного, но и никакого, – нет в уроках г. Павловского и В. Л.; следовательно, книга их недостаточна, – заключение прямое и, кажется,

ся, логическое. Именно это самое заключение и высказывалось всеми, выражавшими недовольство этой книгой, и потому все контрверсии г. Павловского надобно считать не иначе как следствием недоразумения.

Но отсутствие в книге «Природа и люди» *точных, простых и занимательных объяснений* многих предметов произошло не случайно. Г-н Павловский объявляет, что это сделано им *из уважения к званию преподавателя!* Вот его слова: «Мы до такой степени уважаем преподавателя и его высокое призвание, что никак не осмелимся и подумать, что руководство должно быть так составлено, чтобы каждая фраза была совершенно понятна ученику (!?) и чтобы оно не требовало от преподавателя большой начитанности и больших, больших трудов» (стр. 400). Относительно трудов преподавателя не будем спорить; но скажите, пожалуйста, как же можно при составлении руководства задавать себе задачу, чтобы не каждая фраза могла быть понятна для учеников? Что это за средневековую кабалистику вздумал проповедывать г. А. Павловский?.. Без всякого сомнения, ни одно

руководство в мире не достигало еще такой ясности, чтобы *каждая* фраза его была вполне понятна *каждому* ученику. Этого даже и невозможно достигнуть, по причине разнообразия способностей и степени развития учеников. Но тем не менее руководство должно стремиться к наибольшей ясности; быть понятным *во всем* и *для всех* – есть идеал всякого учебника. Чем ближе подходит он к этому идеалу, тем лучше; чем более нуждается он в объяснениях, чем более встречается в нем фраз, непонятных для ученика с первого раза, тем хуже. Эта истина, кажется, не требует доказательств. А г. Павловский решается уверять, что руководство *не должно* быть так составлено, чтобы каждая фраза была понятна для ученика! Мы не знаем, чем объяснить эту странность, и решаемся предположить только, что г. Павловский смешал значение учебника с значением краткого конспекта, который обыкновенно служит для самого учителя, ученикам же дается только как пособие при общем повторении уроков.

Кроме обязанности толковать непонятные фразы учебного руководства, г. Павловский

возлагает на преподавателя еще обязанность заниматься своею наукою по источникам. Это требование вполне основательно и справедливо – в отвлеченном смысле. Но предъявлять его нашим преподавателям географии в гимназиях – значит совершенно не иметь понятия об их положении. Прежде всего нужно заметить, что география у нас не считается в ряду наук *важных*, и потому для нее в гимназиях полагается *младший*, а не старший учитель. Это одно уже делает большую разницу, так как известно, что младший учитель получает менее жалованья и потому на эти места поступают люди, не имеющие ученых прав, которые бы дали им возможность занять место старшего учителя. Но положим, что и младший учитель мог бы захотеть изучать свою науку *по источникам*; смеем уверить г. Павловского, что подобное желание не могло бы быть исполнено в большей части случаев. Общее состояние просвещения в наших провинциях известно, без сомнения, хотя отчасти г. Павловскому; но он, как видно, не имеет никакого представления о том, в каком положении находятся гимназические провин-

циальные библиотеки и какого труда стоит небогатому человеку в губернском городе выписать себе порядочную иностранную книгу. В ответе г. Кронебергу г. Павловский щеголяет выписками на немецком и английском языках, из Бюхеле, Гейзинга, Зоммервиля, Миллера и пр. В указании источников он называет Клодена, Уильсона, д'Эскерака де Лотюр, Дебору Кулея и пр. Можно поручиться, что три четверти всех преподавателей географии в России никогда не слышали этих имен и 99 из ста не имели возможности читать сочинений, о которых упоминают гг. Павловский и Лядов. Многие из названных ими сочинений написаны на английском языке; а известно, что знание этого языка не так еще распространено у нас, чтобы вменять его в обязанность младшим учителям гимназии. Да если бы они и могли читать по-английски, то не нашли бы в гимназиях, что читать. В гимназических библиотеках наших не часто можно найти даже Тенгоборского и Арсеньева, очень редко Риттера и Гумбольдта и никогда, конечно, те специальные сочинения, которых изучения требует от преподавателей г.

Павловский как необходимого дополнения при употреблении его книжки в классе. Мы смело решаемся утверждать, что *всякий* из провинциальных преподавателей (исключая разве университетские города, да и то едва ли), просмотревши перечень источников в книжке гг. Павловского и В. Л., откажется от нее, если ему скажут, что она может быть полезна *не иначе*, как под условием знания *всех* выставленных авторами источников. Отыскать все эти источники можно только в Петербурге, да и то для приобретения их нужны средства довольно значительные и, уж во всяком случае, превышающие состояние младшего учителя гимназии.

Затруднение еще более увеличивается тем, что в книжке гг. Павловского и В. Л. нет карт и пояснительных чертежей и рисунков. А между тем по способу изложения, принятому авторами, обыкновенные карты, употребляемые при изучении географии, вовсе уж не годятся. Мы не скажем, что для понимания объяснений, находящихся в книге «Природа и люди», необходимо основательное знание физики, — как утверждал г. Кронеберг; но мы за-

метим, что для учеников необходим при этом по крайней мере физический атлас. А где у нас физические атласы? Атлас Берггауза по своей дорогой цене едва ли многим может быть доступен. То же надобно заметить и об атласах Бромме и Киперта, которые могли бы помочь пониманию многих мест в уроках гг. Павловского и В. Л. Можно ли составителю хорошей учебной книги географии отстранять от себя всякую обязанность предупредить подобные недостатки и сваливать ее единственно на усердие преподавателя. Правда, что очень хороший преподаватель может помочь горю, если будет иметь под руками все нужные пособия; но ведь в таком случае ему уж решительно не нужна будет книжка гг. Павловского и В. Л.

Высказывая эти замечания, вызванные всего более замашистым тоном «Ответа» и слишком идеальным взглядом г. Павловского на обязанность преподавателя, — мы, однако же, вовсе не хотим этим унижать достоинство самой книги, составленной им и г. В. Л. Напротив, потому-то мы и распространились о взгляде автора, что придаем большое значе-

ние его книге. Повторим еще раз, что по живости и увлекательности изложения и по глубине сообщаемых сведений это лучшая книга, какая до сих пор являлась у нас по части географии.

Комментарии

Речь идет о рецензии, напечатанной в «Журнале для воспитания», 1858, т. III, кн. 4 (см. т. 2 наст. изд.). В. Л. – В. И. Лядов; Лядову принадлежит в рецензируемом издании очерк в общей главе «Африка»: «Степь и пустыня – пальма и верблюд».

[^^^]

Имеются в виду разделы в главе «Африка» – «Причины неизвестности» и «Гидрографический очерк».

[^^^]

Арсеньев К. И., географ и статистик, академик, был автором ряда учебных пособий по географии; Добролюбов, очевидно, имеет в виду «Краткую всеобщую географию» (1818), выдержавшую за 30 лет 20 изданий. Об Ободовском см. выше в прим. 3 к рецензии на «Природу и люди» (стр. 527).

[^^^]

4

См. об этом в прим. 3 на «Природу и люди»
(там же).

[^^^]